

эпохи. Получение этой реликвии было одной из целей римской миссии кн. Б.И. Куракина 1707 г. (Плюханова М.Б. Борис Иванович Куракин... С. 30).

¹⁶ Шмурло Е.Ф. Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697—1707) // Историки-эмигранты: Во-

просы русской истории в работах 20-х — 30-х гг. М., 2002. С. 212.

¹⁷ Например, на с. 112 написано «стало Ливорно», тогда как правильно — «стал Ливорно»; на с. 146 и далее правильно написано «Скьяда», однако на с. 153 ошибочно — «Скьяда».

Максим Зайцев

Рец. на: А.В. Белов. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 613 с., ил. (Historia Russica)

Maksim Zaytsev

(Saratov State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Belov. Reforma goroda Ekateriny II (po materialam guberniy Tsentral'noy Rossii). Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870016239-3

Отечественная историческая урбанистика, набирающая в последние десятилетия всё больший размах, пополнилась фундаментальным трудом сотрудника Института российской истории РАН, кандидата исторических наук А.В. Белова. Это логическое продолжение многолетней работы автора, результаты которой — его диссертация¹ и несколько монографий². Новая книга посвящена предпринятой в правление Екатерины II реформе города, под которой понимается комплекс мер, направленных на формирование новой сети городских поселений, закрепление за ними внешних статусных признаков и конкретных функций, создание разнообразных государственных и общественных учреждений, введение официальных типологии и иерархии поселений. При этом «реформа города» отделяется от «городской реформы», заключавшейся в упорядочении системы самоуправления и хозяйственной деятельности посадского (городского) населения путём фиксации его прав и обязанностей (с. 10, 59—60). Такой подход придаёт исследованию опреде-

лённую новизну, отличая его от наработок предшественников (И.И. Дятлина, А.А. Кизеветтера, Н.Д. Чечулина, Ю.Р. Клокмана, Б.Н. Миронова, Л.Ф. Писарьковой, А.И. Куприянова и др.). До сих пор никто не пытался комплексно рассмотреть совокупность государственных мероприятий эпохи Екатерины II, направленных на трансформацию российского города.

В центре внимания автора — губернии Центральной России: Калужская, Ярославская, Владимирская и Московская, являющиеся в историко-культурном смысле «сердцем» нашей страны. Проведение реформы города в данном регионе, безусловно, оказало существенное влияние на совершенствование принципов и методов самого преобразования, не говоря уже о её значении для местного социально-экономического и культурного развития.

Структуре работы присущи стройность, взвешенность и внутренняя логика. Первые две главы посвящены рассмотрению подготовительных мероприятий, а также анализу выработки оснований реформы. По мнению

автора, Екатерина II и её окружение «подготовили обстоятельно продуманный план» (с. 102), главная цель которого — «привести на смену отслужившему своё феодальному городу-крепости современный город — город Нового времени». Для этого создавалась структура, способная эффективно решать злободневные проблемы: управление, повышение хозяйственной активности, снижение рисков и т.д. (с. 55, 59).

Уже эти разделы заставляют задуматься о корректировке периодизации истории русского города. Традиционно в качестве рубежа принимается бурная эпоха Петра I. Однако Белов стремится доказать, что город ещё долго сохранял многие черты, присутствующие ему в XVI—XVII вв.: функция крепости, соответствующая поселенческая структура, воеводское управление и т.п. (с. 30, 490—493, 523). Интересно, что к сходным выводам в своё время пришли И.И. Дитятин и А.А. Кизеветтер, изучавшие преимущественно городской социум и самоуправление. С их точки зрения, только административные и социальные реформы 1770—1780-х гг. заложили основу для формирования на месте посадской общины единого всеобщего городского общества, получившего возможность реализовывать свои права и интересы через новый муниципальный орган — городскую думу³. Так что данную эпоху, возможно, стоит рассматривать в качестве переломной для всего масштабного процесса российской урбанизации с гораздо большим основанием, нежели эпоху Петра I.

Главы 3—6 посвящены созданию указанных выше губерний и осуществлению преобразований в них. В каждом случае рассматривались организация городской сети (из старых и «вновь назначенных» пунктов), формирование коронных и общественных

учреждений, строительство публичных зданий, внешнее благоустройство поселений, а также выполнение городами важнейших функций: размещение администрации, суда, войск, тюрем и стратегических запасов продовольствия, открытие и содержание учебных, медицинских и благотворительных заведений. Автор обработал колоссальный фактический материал, извлечённый из нескольких центральных и областных архивов. Данные по каждой губернии и поселению приведены во всех подробностях, что местами придаёт тексту справочный характер. С точки зрения науки это безусловный плюс, однако делает чтение и восприятие книги довольно трудоёмким занятием. Она больше ориентирована на специалистов, нежели на «широкий круг читателей», как отмечено в аннотации.

Тем не менее создана яркая картина преобразования городов Центральной России на рубеже XVIII и XIX вв., во всех нюансах отражены особенности трансформации жизни в них, сложность изменений, наглядно видны результаты и историческая значимость государственных мероприятий. Притом удачно показана специфика реформы в каждой из изучаемых губерний. Например, любопытны сведения о проблемах, с которыми власти столкнулись при выборе «кандидатур» уездных городов Калужской губ.: из-за отсутствия в ней хорошо развитых экономических поселений в качестве «донора» пришлось выступить соседней Московской. Ярославская и Владимирская губернии же оказались более «обеспеченными», здесь иногда сами жители сельских поселений, обладавших высоким промышленным и торговым потенциалом, боролись за получение городского статуса. Однако кажется, что в случае с Московской губ. автору стоило уделить больше внимания проблеме негативного вли-

яния столичного города на развитие малых центров, о чём он упоминает лишь вскользь (с. 488).

Стоит положительно оценить обращение к роли личности в изменениях, акцент на то, что успех или неудача реформы сильно зависели от фигуры администратора, избранного для создания той или иной губернии и управления ею. Любопытно стремление генерал-губернаторов и гражданских губернаторов (очевидно, вследствие инструкций свыше) внимательно изучать положение дел на вверенной им территории, а уже затем действовать, исходя из условий местности. В целом корпус подобранных чиновников соответствовал задачам реформы, хотя не обошлось и без исключений (владимирский генерал-губернатор Р.И. Воронцов). Думаю, стоило бы уделить внимание принадлежности некоторых действующих лиц к масонской организации (того же Воронцова или А.П. Мельгунова). Влияние просветительских и этических идей масонства, на мой взгляд, помогло бы объяснить многие решения участников реформы и их поведение в отдельных ситуациях.

Главы 7 и 8 посвящены «зигзагам» политики государства в эпоху Павла I и Александра I, а также иерархии и типологии городских поселений, установившимся на рубеже XVIII и XIX вв. По мнению Белова, «разжалование» некоторых городов Павлом «осуществлялось не как отрицание новым императором политики и наследия матери, а исходя из назревшей и осознанной необходимости» (с. 519). В последнем разделе, фактически играющем роль заключения, содержатся важнейшие теоретические выводы. Формулируются тезисы о том, что, во-первых, вторая половина XVIII и начало XIX в. представляют собой рубеж в истории русского города, поскольку «именно тогда он об-

рёл форму и содержание, в контексте которых существует и по сей день», а во-вторых, в ходе реформы «произошло переустройство городов в соответствии с нормами Нового времени как в плане характера населения (от служилых людей и слобожан к “городовым обывателям”», так и в отношении городской структуры и функций» (с. 523).

В целом учёному удалось успешно решить поставленные задачи, продемонстрировав на конкретных примерах историческую обусловленность, содержание и значение реформы. Как и полагается фундаментальной монографии, она отвечает на многие важные вопросы, проливает свет на ранее малоизученные темы, вместе с тем заставляет задуматься и о новых проблемах.

В то же время не со всеми положениями можно безоговорочно согласиться. Прежде всего, сомнение вызывает «выведение за скобки» преобразования городского самоуправления. В монографии почти не упоминаются такие учреждения, как городские магистраты и городские думы, соответственно реформированные или созданные Екатериной II. Из-за этого реформа выглядит как процесс создания и совершенствования города нового типа исключительно государством без участия общества. Однако одна из главных особенностей эпохи «просвещённого абсолютизма» — попытка привлечь различные слои населения к решению задач как местного, так и общегосударственного характера. Именно для этого расширялись не только сословные права дворянства, но и его участие в органах администрации и суда. Для этого же совершенствовалась ориентированная на городские сословия система судебных учреждений (магистратов) и создавались думы — выразительницы интересов всех жителей. Жалованная грамо-

та стимулировала население (прежде всего купцов, мещан и ремесленников) активнее участвовать в обеспечении собственных первоочередных нужд (развитие торгово-промышленной сферы, внешнее благоустройство, образование, медицина и т.п.). В этих сферах органы самоуправления должны были действовать совместно с коронными учреждениями и под их контролем⁴. Таким образом, изменения в области самоуправления являлись важной составной частью реформы города.

Характерный момент: используя произведения Н.В. Гоголя в качестве «критической оценки современника», автор утверждает, что в них «провинциальный город имел весь (!) требуемый набор учреждений и структур, предначертанных реформаторскими планами императрицы» (с. 581). Между тем среди действующих лиц комедии «Ревизор» отсутствует городской голова, нет упоминаний о городской думе и магистрате или членах этих органов. То же самое касается и поэмы «Мёртвые души». В представлении великого писателя русский город вообще лишён самоуправления, что, конечно, является лишь особенностью конкретных литературных произведений. Использовать их для изучения образа города в сознании современников, конечно, можно и нужно, но нельзя забывать, что смысл и назначение художественного текста принципиально отличны от текстов исторических источников. Читая Гоголя, историк должен задаваться вопросом, насколько изображённый им уездный или губернский «город N» типичен для соответствующей эпохи и нет ли здесь крупных лакун.

Замечание вызывает чересчур категоричная убеждённость автора в радикальном характере и безусловном успехе изучаемой реформы. При чтении монографии местами созда-

ётся впечатление, что русский город до эпохи просвещённой императрицы не имел ни администрации, ни полиции, ни пожарной службы, ни благоустройства, и всё это появилось лишь благодаря мероприятиям 1770—1780-х гг. Абсолютизация изменений во многом вызвана недооценкой предшествующего периода. Государство впервые попыталось «вычистить и облагодетельствовать» города ещё при Петре I. Получилось немного, а в середине XVIII в. некоторые начинания сошли на нет. Тем не менее городские поселения приобрели набор специфических функций и основные компоненты городского быта. Можно говорить лишь о низком уровне их развития и крупных проблемах, которые заставили правительство предпринять широкомасштабные действия.

Кроме того, сам автор приводит многочисленные примеры создания при Екатерине II уездных центров из сельских поселений или из городов, считавшихся таковыми исключительно по наличию у них укреплений. Естественно в «новоназначенных» городах приходилось формировать соответствующую инфраструктуру практически с нуля, поэтому масштабные перемены действительно бросаются в глаза. Но это была не переделка средневекового города в современный, а превращение села в город. В крупных поселениях со старинной городской традицией качественные изменения оказались не столь впечатляющими, хотя невозможно отрицать бурный количественный рост учреждений и служб социального характера.

Значение реформы для дальнейшего развития действительно велико, но насколько? Во-первых, автор установил довольно неопределённые хронологические рамки исследования, в одном месте обозначив их как период «проведения административной реформы Екатерины II, а также ближай-

ших к ней десятилетий» (с. 8), в другом отметив, что «в первой четверти XIX в. завершился процесс, начатый Екатериной II» (с. 520), а в заключение признав, что «многое из запланированного императрицей неизбежно реализовывалось почти до середины XIX столетия» (с. 585). Такой подход соответствует принципу историзма, но создаёт впечатление, что преемники Екатерины следовали проекту её реформы. На деле же Павел I пытался отменить или видоизменить многие начинания своей матушки в городской сфере. Независимо от того, вызывалось это органическим отрицанием её мировоззрения или, как считает автор, назревшей необходимостью⁵, масштаб решений императора оказался весьма значителен. Александр I, обещавший править «по законам и по сердцу» августейшей бабки, не стеснялся вносить в созданную ею систему существенные изменения и дополнения. Так что полного возвращения к принципам городского управления не произошло, и начала, заложенные в него Павлом I, сохранялись и развивались на протяжении всей первой половины XIX в.⁶

Во-вторых, положение о безоговорочном успехе реформы не согласуется с тем фактом, что уже спустя весьма скромный по историческим меркам период правительство вновь обратило внимание на состояние городской сферы и приступило к разработке проектов преобразований. Дитятин (которого автор критикует, на мой взгляд, излишне резко) относил первые шаги в этом направлении к 1821 г., когда Государственный совет признал, что «городское хозяйство никакими мерами правительства не может быть улучшено, если не озаботиться о коренном преобразовании самого городского управления, неудовлетворяющего многим современным требованиям»⁷. Л.Ф. Писарькова

считает, что правительство «впервые озадачилось установлением причин бедственного положения городов» в 1825 г.⁸ Следовательно, преобразования Екатерины II с точки зрения самого государства оказались не настолько эффективны, чтобы обеспечить интенсивное развитие затронутой ими сферы даже на протяжении полувека.

В-третьих, своей излишне категоричной убеждённости в долгосрочном характере результатов преобразований рубежа XVIII и XIX вв. автор невольно принижает значение Великих реформ 1860—1870-х гг. и их влияние на развитие русского города. Не думаю, что именно в этом заключается его осознанная позиция, потому хотелось бы больше конкретики в определении того, что именно из екатерининских изменений просуществовало до наших дней (помимо выстроенных в ту эпоху зданий).

Высказанные замечания относятся к разряду теоретических вопросов и являются предметом научной полемики. Их появление вызвано исключительно высоким уровнем рецензируемой монографии и бесспорной актуальностью рассматриваемых в ней вопросов. Она вносит большой вклад в изучение истории отечественных городов с точки зрения их социального, культурного и экономического развития. Её фактический материал и теоретические положения могут и должны быть использованы для дальнейших исследований в смежных областях знания, а также в учебном процессе.

Примечания

¹ Белов А.В. Интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX — начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

² Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX — начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин. М., 2005; Белов А.В.

1812 год в судьбе русского города: влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М., 2018; Белов А.В. Москва и уездные города второй столичной губернии на исходе правления Екатерины II: реформа города. М., 2018.

³ Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России. Т. 1. СПб., 1875. С. 505—506; Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 799.

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 498.

⁵ Причём во втором случае получается, что принципы реформы Екатерины II уже при Павле не соответствовали объективным условиям.

⁶ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 57.

⁷ Дитятин И.И. Указ. соч. Т. 2. Ярославль, 1877. С. 371.

⁸ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России... С. 66.

Татьяна Филиппова

«В координатах многовековой истории своей страны»*

Tatiana Filippova

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«In the coordinates of the centuries-old history of our country»

DOI: 10.31857/S086956870016255-1

«Он победил и время, и пространство», — сказала об А.С. Пушкине А.А. Ахматова. И это была не поэтическая фраза «коллеги по творчеству», а констатация исторического феномена. Более двух веков русский поэт не только остаётся с читателем в ореоле начала начал отечественной словесности, но и неизменно присутствует в центре внимания одного из элитных отрядов гуманитаристики — пушкинистов. В разные эпохи к личности и творчеству Пушкина обращались с исследовательскими целями П.В. Анненков и П.И. Бартенев, Б.П. Модзалевский и Н.О. Лернер, Д.М. Мережковский и Г.П. Федотов, В.Я. Брюсов и А.А. Ахматова, Ю.Н. Тынянов и Ю.Г. Оксман, Б.В. Томашевский и В.В. Виноградов, Л.Я. Гинзбург и Ю.М. Лотман, многие другие выдающиеся представители отечественной науки, философии, литературы. Иностранные учёные и деятели «Русского

зарубежья» также внесли вклад в освоение наследия великого поэта.

Пушкинская тема в меняющемся социокультурном пространстве каждый раз прочитывается по-новому, а потому неиссякаема для исследовательской рефлексии. И закономерно, что литературный талант и масштаб творческой личности Александра Сергеевича, уже при жизни названного современниками «солнцем русской поэзии», дали имя не только исторической эпохе, но и особому направлению исследований. Пушкинский дискурс как путь развёртывания мышления и выявления ментального феномена, выраженного в тексте; пушкинский текст как смысловое выражение мировоззрения и мировосприятия своего времени, взглядов, мнений, всегда требовали исследовательской междисциплинарности, учёта исторического и социокультурного контекста, энциклопедической эрудированности.

* Пушкины: генеалогическая энциклопедия / Отв. ред. О.Н. Наумов. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 592 с., ил.